

Николай Брусилов

Воспоминания

Николай Петрович Брусилов

Воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9246344

Аннотация

«Воспоминания мои не заключают в себе ничего ни политического, ни исторического; это просто воспоминания былого. Я рассказываю не красно, но верно, так, как я видел и как понимал вещи. Легко может быть, что в записках моих читатель не найдет ничего любопытного. Не ища славы авторской, я и тем буду доволен, если эти записки приведут на память былое, или доставят хотя некоторое развлечение, или хотя даже минуту сладкого сна; а сколько толстых книг из того только и бьются!..»

Содержание

I.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Брусилов

Воспоминания

1

¹ Текст воспроизведен по изданию: Воспоминания Н. П. Брусилова // Исторический вестник, № 4. 1893 Текст – Боцяновский В. 1893

I.

Детство. – Прививка оспы. – Учение дома – Поступление в Пажеский корпус. – Товарищи. – Жизнь в корпусе. – Учение и учителя. – Шалости пажей. – Форма.

Воспоминания мои не заключают в себе ничего ни политического, ни исторического; это просто воспоминания былого. Я рассказываю не красно, но верно, так, как я видел и как понимал вещи. Легко может быть, что в записках моих читатель не найдет ничего любопытного. Не ища славы авторской, я и тем буду доволен, если эти записки приведут на память былое, или доставят хотя некоторое развлечение, или хотя даже минуту сладкого сна; а сколько толстых книг из того только и бьются!

Я помню себя с трех лет. Воспитывался я у бабушки, которая, как все бабушки вообще, любила меня без памяти и баловала напропалую. Я был упрям и до крайности застенчив. Много стоило трудов втолкать меня в гостиную, если кто-нибудь был там посторонний, а особливо дамы: я боялся их как огня. Эти милые качества и до седины меня не оставили. В то время только вводилось прививание натуральной оспы. В уездах были плохие медики, наш уездный эскулап не умел прививать оспы; меня повезли в Москву. Медик, который должен был делать эту операцию, по большим своим занятиям, не мог приехать в квартиру; меня повезли к нему.

Довезти было не трудно, но вынуть из кареты труднее: я поднял ужасный крик; делать было нечего, медик решился привить мне оспу в карете; и таким образом совершилась эта операция среди бела дня на улице белокаменной Москвы: происшествие довольно необыкновенное. Можно бы из этого вывести заключение, что вся жизнь моя будет сцеплением странных приключений, однако ж все обстоит благополучно. Привезя упрямца домой, вздумали одеть меня турком. Я носил чалму, желтые сапоги, деревянный ятаган. Не знаю, не это ли было причиною впоследствии необыкновенного моего влечения к нежному полу. Я во всех влюблялся. Стоило мне только увидеть стройную талию, коротенький башмачок, чтобы потерять сердце недели на две до другой встречи.

По шестому году посадили меня за букварь и часовник. В нынешнем веке смешно такое образование, но такое начало не совсем худо. Оно с юных ногтей знакомит с родным языком и научает страху Божью. Тогда еще не учили по-русски на французский манер, не было ни а, ни бе, а были просто аз, буки, веди и проч. Признаюсь, я и теперь не могу равнодушно слышать, как русские дети складывают бе, а – ба; мне кажется понятнее: буки, аз – ба. Славянская азбука есть вместе и молитва, и закон. Что значат для русского все бе, а, ве: совершенно никакого понятия с этим не сопрягается, кроме пустого звона слов, между тем, как читая славянскую азбуку, я научаюсь многому: аз ведый глагол, добро есть живете земля иже и; како люди мыслете; наш он покой; рцы слово

твердо. Вот с первым понятием ребенка, с первым началом, прежде еще складов, говорит ему Господь, что он ведаёт помыслы людей, знает, как живут они на земле, на коей суть; вместе с тем люди признают, что один Бог успокаивает их, и обязуются хранить данное слово. Гг. филологи, не хвалитесь мудростью вашею!.. Однако ж я удалился от своего предмета; извините, старики болтливы.

Восьми лет повезли меня в Петербург и чрез посредство благодетельного родственника В.² приняли меня в Пажеский корпус. Это тогда было довольно важно, ибо весь комплект состоял только из 60 пажей, большею частью детей знатных особ. Для принятия в число их сына секунд-майора, и очень небогатого, надобна была сильная протекция. Она и была у меня, В., о котором я упомянул, был при императрице Елизавете капитаном гвардии и пользовался особенною милостью наследника. По кончине Петра III, В. переведен был в армию капитаном и скоро оставил службу с чином секунд-майора. Он жил всегда в Москве и, сколько по прежней известности своей при дворе, столько и по характеру честному, твердому, прямому, настоящему русскому, пользовался общим уважением. С отцом тогдашнего временщика³ он был в дружеской связи, но был столь высок духом, что связь

² Вероятно, Петр Петрович Воейков, секунд-майор Преображенского полка, один из немногих приверженцев Петра III. О нем см. «Восемнадцатый Век», кн. III, стр. 353–354.

³ П. А. Зубов.

эту употреблял только на услуги ближним; для себя не хотел ничего. Стороной предложено ему было, что он может быть сравнен с сверстниками, которые давно уже были генералы; он отклонил это предложение. «Без заслуг не хочу наград, – отвечал он, – и В. никогда Чупятовым не будет»⁴. Ну, милостивые государи, подумайте-ка, многие ли из нас могут дать такой ответ?

Наконец, я в корпусе. Матушка плакала, оставила меня под присмотром дядьки и поручила попечению дальнего родственника ***, честного, доброго, почтенного ветерана, бывшего казначеем военного ордена. Он, К., Ж. и Д. благодетельствовали мне, но более всех баловал меня В. и Н. О. Д. Они, по излишней доброте своей, первые ласками своими и отличиями от других детей поселили во мне какую-то самонадеянность, которую я причисляю к моим прочим достоинствам, то есть упрямству, капризам и застенчивости. Последняя в течение моей жизни наделала мне много хлопот. И смешно, и жалко, как вспомнишь былое, и еще смешнее, что и теперь, на седьмом десятке, я точно тот же застенчивый кадет, каким был восьми лет. Когда я занимал впоследствии довольно важные должности, многие поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, как застенчивость.

⁴ Чупятов, Василий Анисимович (ум. 1792 г. О нем: Л. И. Майков Очерки из истории русской литературы, Спб., 1889, стр. 356–368), известный мещанин в 1790-х годах, называл себя женихом марокской принцессы, носил ее портрет, ходил в шитом золотом кафтане, в звездах и лентах всех цветов. Всяк думает, что он Чупятов, В марокских лентах и звездах. (Державину 1-е ак. изд., т. I, 627).

Я иногда не кланялся, не отвечал, точно по застенчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.